
DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-157-176

УДК 82+821.161.1+821.133.1+81`25

ББК 83+83.3(2=411.2)+83.3(4ФРА)+81.1

Татьяна Магарил-Ильяева

**«Философия перевода»: Ф.М. Достоевский
и роман О. Бальзака «Евгения Гранде»**

Tatyana Magaril-Il'yeva

**“The Philosophy of Translation”: F.M. Dostoevsky and
H. Balzac’s novel *Eugénie Grandet***

Об авторе: Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева, научный сотрудник центра «Достоевский и мировая культура» ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва.

E-mail: vutka@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу перевода Ф.М. Достоевским романа О. Бальзака «Евгения Гранде». В начале статьи приводится обзор работ других исследователей, посвященных этой же теме. Наглядно демонстрируется необходимость предварительного целостного анализа оригинала и перевода для выявления основных смысловых линий, так как только на основании проделанного анализа появляется возможность адекватной интерпретации отдельных элементов текста. Сравнительный анализ частей текстов без анализа целого замысла текста демонстрируется как методологическая ошибка, нередко допускаемая исследователями. В статье рассматриваются предисловие и послесловие к роману «Евгения Гранде», которые не вошли в более позднее издание, но которые присутствовали в раннем тексте, который и перевел Ф.М. Достоевский. Эти фрагменты текста оказываются крайне важны для понимания замысла всего романа, а также для понимания причин изменений, внесенных переводчиком. Благодаря целостному анализу двух произведений, становятся очевидны многие воззрения Достоевского, которые невозможно с такой же очевидностью извлечь из его ранних текстов. Например, понимание метафизической концепции женщины как места наиболее отчетливо проявленного присутствия Бога на земле, как той, что стоит на лестнице существ на следующей ступени после мужчины, который должен подняться к ней непрерывным усилием по преображению себя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, О. Бальзак, «Евгения Гранде», перевод, женщина, связь с небом.

Для цитирования: Магарил-Ильяева Т.Г. «Философия перевода»: Ф.М. Достоевский и роман О. Бальзака «Евгения Гранде» // Достоевский и мировая культура. 2019. № 1 (5). С. 157-176.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-157-176

About the author: Tatyana G. Magaril-Il'yaeva, Associate Researcher at the Centre "Dostoevsky and World Culture", Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow.

E-mail: vutka@yandex.ru

Abstract: This article examines F.M. Dostoevsky's translation of H. Balzac's novel *Eugénie Grandet*. In the beginning of the article the author reviews other researchers' works concerning the same problem. The article clearly demonstrates the necessity of a complete analysis of the original and of the translation to see their main semantic lines, because only on the base of such analysis we will have an opportunity to interpret the details of the text adequately. A comparative examination of the fragments of the texts without a previous analysis of the whole plot is a methodological mistake often made by researchers. The article is concerned with the preface and the afterword to the novel *Eugénie Grandet* that weren't included in the latest edition but were present in the earlier text translated by F.M. Dostoevsky. These fragments are important for the understanding of the plot of the whole novel and also for the understanding of the changes made by the translator. Thanks to a complete examination of the two works, many Dostoevsky's attitudes that cannot be so clearly extracted from his early works becomes evident, for example, the metaphysical conception of the woman as a place where God's presence is manifested in the most evident way, as a person who stands in the hierarchy of living beings one step higher than man, who must reach her by making unceasing efforts to transfigure himself.

Key words: F.M. Dostoevsky, H. Balzac, *Eugénie Grandet*, translation, woman, connection to Heavens.

For citation: Magaril-Il'yaeva T.G. "The Philosophy of Translation": F.M. Dostoevsky and H. Balzac's novel *Eugénie Grandet*. *Dostoevsky and World Culture*. 2019. № 1(5). Pp. 157-176.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-157-176

Перевод романа О. Бальзака «Евгения Гранде» стал первой печатной работой молодого Федора Достоевского. Этот перевод был опубликован в 1844 году в журнале «Репертуар и Пантеон». К сожалению, рукопись не сохранилась, поэтому в распоряжении исследователей есть только журнальная версия, уже прошедшая цензурную правку, из-за которой, по свидетельству Достоевского, его перевод подвергся «сокращению едва ли не на треть». При сверке с французским первоисточником оказывается, что вычеркнуто значительно меньше, но все же часть текста отсутствует. И так как мы не располагаем изначальным вариантом перевода, то и не можем с уверенностью утверждать, отсутствует ли некий фрагмент текста по воле переводчика или цензора. Таким образом, исследователь поставлен перед нелегкой задачей: он не может строить свои выводы на отсутствующих фрагментах текста как свидетельстве воли переводчика, а только на изменениях текста относительно французского оригинала.

Еще один важный момент, который должен быть учтен исследователем, – это то, что Достоевский делал свой перевод по первой публикации романа «Евгения Гранде» (1834 года). При этом канонической версией романа стало издание 1843 года, в которое Бальзак внес значительные правки. Поэтому сверять перевод необходимо с первым более редким вариантом «Евгения Гранде». Удивительно, но даже такие технические моменты не всегда учитываются литературоведами в их работах. Это отмечала еще В.С. Нечаева, говоря о работах Г.Н. Поспелова и Л.П. Гроссмана¹: «Отсутствие внимания к тексту оригинала, которым пользовался Достоевский, привело первого исследователя перевода Л.П. Гроссмана к ошибочным заключениям о работе Достоевского. Приведя заключительные строки перевода, в которых Евгения сравнивается с античной статуей, упавшей в море и навсегда исчезнувшей, Л.П. Гроссман писал: «Прибавлены отсутствующие в оригинале строки». Тогда как эти строки были у Бальзака в издании 1834 г. и позднее им сняты, «Г.Н. Поспелов, сопоставляя перевод Достоевского с изданием «Eugénie Grandet» 1927 г. (Paris Caiman Levy edit.), где, конечно, печатался ставший каноническим позднейший текст романа из “Человеческой комедии”...» [Нечаева 1979: 107]. Та-

¹ Речь идет о работах: Гроссман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919. С. 43; Поспелов Г. Н. «Eugénie Grandet» Бальзака в переводе Ф.М. Достоевского. М.: Ученые записки Ин-та яз. и лит-ры (РАНИОН), 1928. Т. II. С. 127, 128.

кие ошибки встречаются и у современных исследователей, например, С. Н. Шкарлат в своей работе «О переводе Ф. М. Достоевским романа “Евгения Гранде” О. Де Бальзака» в принципе не указывает, к каким текстам в своем исследовании она обращается, и тут же принимается анализировать решения переводчика на основании отсутствующих фрагментов текста: «Столь же радикально Достоевский опускает пассаж Бальзака: «Les philosophes qui rencontrent des Nanon, des madame Grandet, des Eugénie, ne sont – ils pas en droit de trouver que l’ironie est le fonds du caractère de la Providence?» (с. 65). Ирония по отношению к фигурам страдающим, униженным отвергается. Бальзак ироничен, Бальзак беспристрастен, Достоевский исполнен горячего сочувствия» [Шкарлат 1998].

Конечно, большинство исследователей гораздо более внимательны к текстам, с которыми они работают. Уже упомянутая монография С.Н. Нечаевой – одна из таких. Помимо скрупулёзного отношения к источникам, эта работа примечательна наличием широкого контекста, который Нечаева посчитала необходимым учесть в своем исследовании. Она подробно описывает жизненные обстоятельства, быт и знакомства молодого Достоевского. Помимо этого Нечаева обращает внимание на то, как Достоевский получил свои знания французского.

Несмотря на упомянутую неточность в исследовании Л.П. Гроссмана, его работа, вошедшая в монографию «Поэтика Достоевского» заслуживает внимания. Одним из явных ее достоинств является подробное описание того места, которое занимал Бальзак и его творчество в России XIX века. Еще один известный исследователь творчества Ф.М. Достоевского К.А. Степанян в своем докладе «Перевод “Евгения Гранде”: начало формирования “реализма в высшем смысле»» на XXXII Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» уделит внимание творческому пути самого Бальзака и тому, какое место занимает роман «Евгения Гранде» на этом пути. Он отмечает малоизвестные моменты биографии французского писателя, например, что его мать интересовалась мистическими движениями, благодаря чему в их доме была большая библиотека теософских сочинений. В Сорбонне Бальзак посещал лекции профессора Виктора Кузена, знакомого своих учеников с историей мистической философии. Сам он зачитывался Сведенборгом и был знаком с трудами Сен-Мартена.

Такие обзоры исторических реалий очень ценны для любого исследования. Но контекст – это только вводные данные, сам анализ начинается с непосредственной работы с текстом. Практически всем работам, посвященным этой теме, свойственен очень тщательный и обширный подбор примеров разницы французского оригинала и русского перевода. Но выводы, сделанные на основе собранного материала, не поражают ни глубиной, ни оригинальностью. Так, Нечаева по большей части выделяет стилистические приемы, используемые Достоевским, которые исследователь объясняет так: «Средства, данные Бальзаком, как будто кажутся Достоевскому недостаточными, и он ищет более выразительных, более ярких обозначений явления» [Нечаева 1979: 118]. Об этом же говорит Гроссман: «Уже в первой фразе он расширяет определение Бальзака добавочными эпитетами. Почти во всех описаниях он распространяет текст оригинала» [Гроссман 1925: 86] и Шкарлат: «Мы видим, что Достоевский вновь и вновь “поднимает градус” бесстрастной повествовательной объективности Бальзака. В его передаче возникает позиция повествователя, сочувствующая, страдающая и экстатическая, которой мы не обнаруживаем в оригинале, т. е. позиция самого юного Достоевского» [Шкарлат 1998]. Такие объяснения являются лишь поверхностной констатацией факта, уводящей от понимания смысла этого факта. Причины «украшения» бальзаковских фраз могут заключаться вовсе не в желании Достоевского обогатить французский оригинал, а в чем-то совсем другом, но мы этого не узнаем, так как исследователь уже выдвинул объяснение, не дающее возможности пойти в глубь текста, к его смыслу. Также важно понимать, что невозможно все введенные переводчиком дополнительные эпитеты объяснять одним общим способом, нужно искать объяснения в каждом конкретном случае. Например, А. Лишневская в своей статье «Три “Гранде”» приводит пример: «чуть ли не в каждом абзаце отыщется фраза, в которой Достоевский развивает синонимичный ряд определений, обстоятельств или сказуемых (например, там, где у Бальзака одно определение “les landes les plus ternes”, у Достоевского целых три “сухие, бесплодные, обнаженные степи”)» [Лишневская 2008]. На самом деле переводчик просто пытается как можно точнее передать смысл слова «ternes», который включает в себя все приведенные эпитеты. Другие примеры такого якобы «украшения» языка Бальзака будут рассмотрены ниже, будет

показано, что каждое такое изменение обусловлено конкретной целью, которую преследовал переводчик.

Многими исследователями отмечается мастерская работа Достоевского по адаптации текста к русским реалиям. С.А. Кибальник пошел дальше и показал в своей работе, как Достоевский не просто адаптирует язык, а вводит его в литературный контекст той эпохи: «В настоящей работе мы остановимся на элементах адаптации, или, говоря конкретнее, дискурсивной аккультурации оригинала, к которой прибегал Достоевский [Nida 1964; Найда 1978]. Последнее понятие предполагает в том числе и перенос повести Бальзака в интертекстуальное поле прежде всего русской литературы. Введение референциальных связей с произведениями классической русской литературы, то есть с прецедентными для представителя русского лингво-культурного сообщества текстами, насыщение его прецедентными высказываниями, вводит переводной художественный текст в культурные рамки отечественной словесности» [Кибальник 2012: 69]. Но первая же приведенная в статье ссылка заставляет задуматься: «В. П. Владимирцева, обратившего внимание на “скрытое литературное цитирование” Пушкина во фразе “одевался как денди”, в то время как во французском оригинале нет “ничего подобного” (Достоевский, 2008, 68)» [Кибальник 2012: 69]. На самом деле, Бальзак не раз называет Шарля «dandy»², так что Достоевский просто сделал свою работу – перевел на русский то, что и так есть в тексте. Таким образом, все попытки стилистического анализа перевода оставляют легкое недоумение, видимо, за счет того, что все они сделаны без учета общего замысла как романа Бальзака, так и перевода Достоевского.

Когда же исследователи решают объяснить общую идею внешних изменений, то такие объяснения носят скорее психологический характер. Нечаева отмечает контраст, усиленный Достоевским при описании главных героев, этот контраст бесспорен и будет отмечаться всеми последующими исследователями. Нечаева предполагает, что желание усилить черты героев связано с тем, что Достоевский видел в истории старика Гранде и его семьи отражение отношений своих родителей. Этой же «психологической» версии придерживается Доминик Арбан, о котором упоминает в своей статье Ф. Торранс: «Доминик Арбан приводит биографические ар-

² Например, «Le dandy se laissa aller sur le fauteuil comme une jolie femme...» или «Il emporta ses colifichets de dandy» и т. д.

гументы в пользу атрибуции Достоевскому этого перевода. Он подчеркивает, насколько сам выбор произведения, а также трансформация переводчиком некоторых деталей навеяны собственным опытом писателя: скупость отца, лишения, которым он подвергал свою семью, отвергнутая и умирающая от истощения мать» [Торранс 2013: 463].

Другой часто встречающийся вариант объяснения изменений текста французского оригинала состоит в том, что Достоевский «одухотворяет» реализм Бальзака. Это происходит из-за того, что исследователь подходит к анализу текста с уже готовым представлением о творческом методе Достоевского, которое состоит в том, что Достоевский, будучи великим христианским мыслителем, если что-то и делает с текстом, то возносит его на высоты духа. Именно к этой версии склонился К.А. Степанян в упомянутом докладе – Достоевский, по мнению исследователя, выводит в вертикаль идею Бальзака. Это же версию пытается доказать и Шкарлат, но выглядит это крайне неубедительно: «Бальзак пишет: “Le spéctacle de cette transformation accomplie par les souffrances qui consumaient les lambeaux de l’être humain dans cette femme...” (“Зрелище этого превращения, совершенного страданиями, которые поглощали лоскутки человеческого существа в этой женщине...” (Пер. авт.)). Достоевский переводит: “Зрелище этого видимого перехода из земной обители в лучшую...”, осуществляя тем самым перенос картины смерти физиологической в план окончания земного существования и перехода в новый, божественный план бытия. У Бальзака образ новой жизни за гробом в контексте отсутствует, есть образ окончания земных страданий. Достоевский вводит в подтекст христианскую идею воздаяния страждущим и обездоленным, обретения счастья и свободы в “царстве небесном”» [Шкарлат 1998]. Собственно, это пример того, когда вывод делается по одному элементу без учета целого. Если мы не читали роман, то данный пример может выглядеть убедительным. Но одна из центральных тем, затронутых в романе, – это осуждение того, что люди стали ставить прелести земной жизни выше прелестей будущей жизни. Бальзак связывает эту идею со стариком Гранде и противопоставляет ее жизни матери и дочери, которые избрали путь к вечной жизни. Подробно эта тема будет раскрыта ниже. Но тем не менее мы видим, как вырванный из контекста кусок может исказить понимание целого. Таких примеров в работе Шкарлат, к сожалению, огромное множество.

В любом случае подобные объяснения внесенных в перевод «одухотворяющих» изменений текста выглядят, по меньшей мере, не убедительно. Достоевскому на время работы над переводом было всего 23 года, Бальзак же, когда создавал «Евгению Гранде», был на 10 лет его старше. Мы сравниваем молодого человека в самом начале его литературной деятельности и уже вполне состоявшегося романиста.

Также удивляет полное игнорирование мнения самого Достоевского об авторе, чье произведение он выбрал для перевода: «Бальзак велик! Его характеры – произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили борением своим такую развязку в душе человека» [Достоевский 1972–1991: XXVIII, 1, 51]. Это мнение почти никогда не только не учитывается, но и оспаривается. Например, Нечаева так комментирует эту цитату: «И надо думать, что в 1843 г. Достоевский, знавший к этому времени наизусть Гоголя, читавший Белинского, оценил в характерах выбранного романа не столько их тысячелетние корни, сколько ту историко-социальную основу, которую так последовательно вскрывал Бальзак» [Нечаева 1979: 105].

На самом деле эта фраза раскрывает Достоевского как очень внимательного читателя. Сравним это высказыванием с тем, что напишет Бальзак в предисловии к «Человеческой комедии»: «En saisissant bien le sens de cette composition, on reconnaîtra que j'accorde aux faits constants, quotidiens, secrets ou patents, aux actes de la vie individuelle, à leurs causes et à leurs principes autant d'importance que jusqu'alors les historiens en ont attaché aux événements de la vie publique des nations. La bataille inconnue qui se livre dans une vallée de l'Indre entre Mme de Mortsauf et la passion est peut-être aussi grande que la plus illustre des batailles connues (Le Lys dans la vallée). Dans celle-ci, la gloire d'un conquérant est en jeu; dans l'autre, il s'agit du ciel» [Balzac 1855] («Поняв как следует смысл моего произведения, читатели признают, что я придаю фактам постоянным, повседневным, тайным или явным, а также событиям личной жизни, их причинам и побудительным началам столько же значения, сколько до сих пор придавали историки событиям общественной жизни народов. Неведомая битва, которая в долине Эндры разыгрывается между госпожой Морсоф и страстью ("Лилия в долине"), быть может, столь же величественна, как самое блистательное из известных нам сражений. В этом последнем поставлена на карту слава завое-

вателя, в первой – небо»)³. Получается очевидная нестыковка того, что вкладывал в свои произведения Бальзак, видел в них Достоевский, и того, что в них находят большинство исследователей. Как же подступиться к этой работе? Приведу здесь очень точное высказывание из статьи Торранса: «Так или иначе, большинство западных исследователей сходятся в убеждении, наиболее точно сформулированном в книге Д. Арбана: для того чтобы приведенные ими наблюдения и сделанные выводы стали несомненными, “следовало бы слово за словом изучить весь перевод”... В подобном исследовании не стоило бы чрезмерно сосредоточиваться на сокращениях, вызванных различными причинами, которые нелегко определить. Необходимо отделить почти бессознательные изменения (неточности, недопонимание, пропуски) от тех (тоже бессознательных), которые вызывают к психологическому истолкованию, и от тех, которые переводчик сделал намеренно. Надлежит также отличать чисто языковые моменты, predeterminedные переходом с одного языка на другой, от тех, которые имеют стилистическое значение: в частности, от наличия или отсутствия определенных повторов. Все эти отклонения могут быть поставлены в связь с последующими произведениями Достоевского, что позволит лучше понять их происхождение. Следует, однако, проявлять осторожность и не стремиться к тому, чтобы любой ценой находить в этом литературном труде Достоевского предвосхищение его больших романов. Сопоставление этого перевода с первыми романами и рассказами писателя представляется куда более уместным» [Торранс 2013: 473].

Темы предисловия и послесловия в романе «Евгения Гранде»

Обозначив для себя отправные точки исследования, обратимся к самому роману и его переводу. О чем пойдет речь в романе, Бальзак без обиняков рассказывает в предисловии и еще большую ясность вносит в послесловии. Рассмотрим эти два фрагмента текста подробнее. В предисловии автор сокрушается, что писатели из-за своей лени и нежелания за внешним спокойствием разглядеть истинные характеры и драмы уделяют недостаточное внимание провинциальной жизни, где на самом деле сокрыт настоящий клад для исследователя человеческих душ. В отличие же от этих писателей,

³ Перевод дан по [Зарубежная литература 1990].

автор «Евгении Гранде» делает следующее: «Сегодня бедный художник схватил только одну из этих белых нитей, пускаемых по воздуху ветерком, с которыми забавляются дети, молодые девушки и поэты; о которых вряд ли заботятся ученые, но которые, как говорят, бросает со своего веретена небесный прядильщик. Поостерегитесь! В этой сельской традиции есть мораль. Вам покажут, как в пору расцвета жизни некоторые иллюзии белой надежды, посеребренные нити, спускаются с небес и возвращаются туда, не коснувшись земли» [Balzac 1833]⁴. Текст кажется абсолютно непроницаемым, но даже через этот туман мы можем понять, что речь в романе пойдет о некоторой связи с небом, доступной поэтам, детям и женщинам и закрытой для ученых. Причем то, за счет чего осуществляется эта связь, не принадлежит земле и должно вернуться на небо. Вот те вводные данные, с которыми читатель должен подходить к тексту «Евгении Гранде». Бальзак, видимо, подозревал, что мало кто воспользуется его рекомендациями, поэтому в послесловии он говорит, что развязка может показаться неожиданной, но читателю стоит помнить о преамбуле к роману. Затем, как бы извиняясь, писатель признает, что, может, он и переборщил с темными тонами при описании старика и с золотом в портрете главной героини, но ведь писал он именно о Марии, о второй христианской Еве. Женщина для него представляется венцом творения, так как Бог создал ее последней, «не из изначального гранита, ставшего мягкой глиной под пальцами Бога, а из стороны мужчины, материала гибкого и пластичного, она переходное создание между ангелом и женщиной. Вы видите ее сильной, как мужчина силен, и нежно умной своим чувством (истинный ум сердца), как ангел. Не стоит ли объединить эти две природы в ней, чтобы обременить ее постоянным ношением в своем сердце человека (чувственный образ)? Ребенок, не будет ли он всем человечеством для нее?» Бальзак показывает, как женщина может воплощать собой эту связь с небом, заявленную в предисловии.

Достоевский проникся образами, представленными в этих двух фрагментах текста, хотя они и не включены в перевод (может быть, были убраны цензурой), кроме самого последнего абзаца. Но, несмотря на их фактическое отсутствие, большинство произведенных молодым переводчиком изменений текста связаны с его желани-

⁴ Здесь и далее перевод мой. – Т.Г. Магарил-Ильяева

ем максимально передать идеи, заложенные как раз во вступлении и заключении романа Бальзака.

Рассмотрим на примерах, как меняет текст Достоевский, чтобы с наибольшей полнотой передать идеи, воспринятые им у автора. Вот один из самых ярких: «Но какъ и прежде, посреди этихъ жалкихъ лицъ взоръ Шарля отыскаль-бы свою Евгению, свѣтлую, чистую, – незапятнанную прикосновеніемъ жалкаго отребья, ее окружавшаго» [Репертуар и Пантеон 1844: 7, 111] – читаем мы у Достоевского. У Бальзака же все гораздо спокойней: «...mais alors, comme autrefois, la figure de sa cousine eût dominé le tableau...» [Balzac 1833] (*Но, как и раньше, фигура кузины доминировала на сцене*). Еще пример: «Богъ пролилъ золото и блага земныя передъ бѣднымъ ангеломъ, котораго Онъ послалъ на землю заслужить свою долю небесную» [Репертуар и Пантеон 1844: 7, 124]. В тесте Бальзака Евгения описывается как заключенный, стремящийся на небо: «Dieu jeta donc des masses d'or à sa prisonnière pour qui l'or était indifférent, qui aspirait au ciel...» [Balzac 1833]. Или читаем у Бальзака: «Ce noble coeur qui ne battait que pour les sentimens les plus tender, devait donc être soumis aux calculs de l'intérêt humain, l'argent devait communiquer ses teintes froides à cette vie céleste, et lui donner de la défiance pour les sentimens» [Balzac 1833] (*Это благородное сердце, которое билось только для самых нежных чувств, должно было подвергнуться человеческим расчетам, деньги должны были сообщить свои холодные оттенки этой небесной жизни и дать недоверие чувствам*). Достоевский передает эту же мысль так: «И это благородное сердце не награждено было ни любовью, ни дружбою, ни всѣм, чего жаждало, просило оно» [Репертуар и Пантеон 1844: 7, 124]. Мы видим, что Достоевский, во-первых, очень резко проводит границу между Евгенией и всем остальным миром, ставя ее несоизмеримо выше, а во-вторых, не допускает никаких негативных влияний, способных затемнить образ героини. Эта особенность перевода не раз отмечалась исследователями и трактовалась как показатель одухотворяющего действия Достоевского на роман. На самом деле Достоевский просто доводит до пика идею божественной природы женщины, заложенную Бальзаком.

Тема рая на земле

Обратимся к теме, проходящей через весь роман и, безусловно, осмысленной Достоевским, так как с ней также связаны некоторые изменения, внесенные в текст переводчиком. Для описания этой темы

приведем фрагмент из перевода Достоевского, так как в нем полностью отражена суть оригинала: «Скупые не вѣруютъ въ будущую жизнь, въ жизнь духовную; для нихъ настоящее все. Мысль эта въ состояніи выказать настоящій характеръ нашей эпохи, когда деньги составляютъ все — законы, политику, нравы. Секты, книги, люди, ученія, все сговорилось противъ Вѣры, на которую уже восемнадцать вѣковъ опирается общество. Теперь худо вѣрятъ тайнамъ за могилою, и мысль о будущности, за предѣлами нашего requiem блѣднѣетъ и исчезаетъ какъ ложный призракъ передъ грубою существенностію [у Бальзака в оригинале: «перенесен в настоящее» – Т. М.-И.]. Достичь per fas et nefas земнаго рая роскоши, тщеславныхъ наслажденій, иссушить сердце огнемъ ядовитыхъ страстей и (въ параллель обратнаго сходства) подобно святымъ мученикамъ, вытерпѣвшимъ казни и пытки, за мысль, идею, за безплотную будущность, отравить и растлить кровь свою для златой пыли, за скоропреходящая тлѣнныя сокровища наши, вотъ общее вѣрованіе, вотъ общая мысль, проявляющаяся всюду, даже въ законахъ, въ положеніяхъ жизни общественной. Васъ спрашиваютъ: сколько вы платите? вмѣсто того, чтô вы думаете? Когда весь народъ усвоить подобное ученіе, что станется съ обществомъ?» [Репертуар и Пантеон 1844: 6, 453]. Обратим внимание, что речь здесь идет именно о скупцах, это они не веруют в будущую жизнь и насаждают привязанность к сиюминутным удовольствиям. Теперь приведем еще одну интересную цитату: «Словомъ, въ Сомюрѣ не было никого, кто бы не былъ твердо увѣренъ, что у Гранде спрятанъ гдѣ-нибудь кладъ, сундучокъ съ червонцами тайная радость, тайное наслажденіе старика. Скупые особенно готовы были присягнуть въ этомъ, изучивъ взглядъ старика, взглядъ горящій какимъ-то отблескомъ завѣтнаго металла. Взоръ человѣка, привыкшаго смотрѣть на золото, наслаждаться имъ, блеститъ какимъ-то неопредѣленнымъ, тайнымъ выраженіемъ, схватываетъ извѣстные оттѣнки, усваиваетъ необъяснимыя привычки, какъ взглядъ развратника, игрока или придворнаго; взоръ этотъ быстръ и робокъ, жаденъ, таинственъ; обычные его знаютъ, научились ему; это условный знакъ, фран-масонство страсти» [Репертуар и Пантеон 1844: 6, 391]. Мы видим, что Бальзак рисует перед нами категорию людей, скупцов, объединенных в общество, причем тайное, ведь узнать друг друга могут только посвященные. Входящие в общество разделяют идею возможности осуществления рая на земле, в противовес стремлению к будущей жизни, которую надо заслужить. Это вовсе не ху-

дожественная выдумка романиста, вот как об этом говорит русский мыслитель Е. В. Головин: «Если раньше экзистенциальная драма разыгрывалась в сложных отношениях между небесно-эйдетической *abundatio* (полнота, чрезмерность) и материальной *privatio*, то сейчас вопрос был поставлен иначе; либо разумное устройство земной, материальной, единственной жизни, либо небытие как полная диссолюция. Что из этого следует? Подводные идеологические течения восемнадцатого столетия принесли желанный ответ: следует попытаться построить земной парадиз, избавить человечество от болезней и голода и пролонгировать жизнь до неопределенного предела. В таком прогрессивном смысле розенкрейцеры и масоны интерпретировали христианскую алхимию и спагирию. Человечество как исходный материал (наподобие свинца, *materia prima* и т. п.) путем нравственного совершенства и с помощью естественных наук надо превратить в деятельное, свободное и светлое содружество» [Головин 1995].

Собственно, старик Гранде не раз в романе называется алхимиком, также в тексте обнаруживается много масонской символики, выставленной зачастую в пародийном свете, но это тема отдельного исследования.

Удивительным образом в романе отражена и драма между небом и материей, о которой говорит Головин в приведенной выше цитате. Именно с нее начинается описание Сомюра, городка, где разворачиваются основные события повествования. Описание жизни, быта сомюрцев сводится к их взаимоотношениям с солнцем, все их существование зависит от него, ведь они все виноградари, и хороший урожай обеспечивается именно солнцем. Но Бальзак так строит свои предложения, что за первым очевидным смыслом всегда проступает другой смысловой план. Например, здесь: «...un coup de soleil l'enrichit, un temps de pluie le ruine...» [Balzac 1833] (*солнце (солнечный ожог) обогащает, дождь опустошает*), – автор использует слова, которые не сводимы к одному значению. Так, «enrichir» можно перевести как «обогащать», так и «наполнять», а «guiner» – «разорять» или «опустошать». Таких примеров много, где до конца не ясно, идет ли речь о простом желании наполнить карман или об общении с небом, наполняющим людей чем-то совсем иным. Описание жизни сомюрцев Бальзак завершает интересной фразой: «Il y a un duel constant entre le ciel et les intérêts terrestres» [Balzac 1833] (*Налицествует постоянный поединок между небом и земными интересами*).

После нее становится понятно, что, несмотря на тенденцию «заземлить» рай, о которой было сказано выше, в Сомюре есть люди, для которых общение с небом не закрыто, оно неоднозначно, но оно есть. Это можно даже назвать агонией общения, во-первых, потому что оно свелось к борьбе, а во-вторых, потому, что жители городка все чаще рассчитывают свои планы, не глядя на небо, а глядя на старика Гранде: «L'hiver sera rude disait-on le père Grandet a mis ses gants fourrés, il faut vendager. M. Grandet prend beaucoup de murrain, il y aura du vin cette année » [Balzac 1833] (*Зима будет жестокой в этом году, говорят они, папаша Гранде надел меховые перчатки: надо собирать виноград. Папаша Гранде берет много бочковых досок, будет вино в этом году*). Собственно, происходит ровно то, о чем говорят Бальзак и Головин: взаимодействие неба с землей исчезает, а рай материализуется и утрачивает свою божественность.

Достоевский не дает ходу этой линии. Он подбирает слова, описывающие взаимоотношения с небом и солнцем, в сфере сугубо материальной, например: «Червонцами задождить, отвѣчаетъ сосѣдъ, разчитывая барышъ по лучу солнечному» [Репертуар и Пантеон 1844: 6, 388]. У Бальзака же человек просто ждет, что принесет ему благоприятный дождь или солнце. А фразу, приведенную выше, о борьбе неба с землей, Достоевский переводит так: «вѣчная борьба природы съ разсчотами человѣческими» [Репертуар и Пантеон 1844: 6, 391]. Переводчик убирает возможность отношений с небом у всех, кроме Евгении, ее матери и Нанон – трех женщин, подчеркивая, что связь с небом есть именно у женщин.

Тема установления рая на земле была очень интересно выделена Достоевским, переводчик изящно достроил эту смысловую линию романа. Сделал он это, добавив всего одно слово в описание портретов деда Евгении по материнской линии и прабабки по отцовской: «На стѣнѣ, противъ камина, висѣли два портрета, писанные – одинъ съ покойнаго г-на Лабертельера, изображеннаго въ мундирѣ гвардіи лейтенанта; другой портретъ изображалъ покойную г-жу Жантильи, въ костюмѣ Аркадской пастушки» [Репертуар и Пантеон 1844: 6, 398] (г-жа Жантильи – бабушка старика Гранде). В оригинале госпожа Жантильи изображена просто в костюме пастушки. Зачем Достоевскому понадобилось добавлять одно-единственное слово? Дело в том, что «Аркадия» несет за собой огромный пласт смыслов. Чтобы хотя бы начать разбираться в этом обширном поле, скажем о нем несколько слов. Аркадия, в поэтической

сфере, – это страна счастливой сельской жизни, где процветает невинность и доброта, настоящий рай на земле. С этой чудесной страной связано известное латинское изречение «Et in Arcadia ego» («и вот я в Аркадии»), которое стало центральным мотивом многих художественных произведений XVII-XVIII вв. Однозначного толкования у этой фразы нет. Но одна из самых распространенных версий состоит в том, что произносит ее сама смерть, то есть даже в прекрасной Аркадии ее не избежать. Таким образом, Достоевский связывает род старика Гранде с этим местом, а тем самым, с одной стороны, подчеркивает его связь с идеей земного рая, а с другой стороны – с идеей смерти, которая в нем неизбежна. Привнеся эти смыслы в описание бабушки скупца, Достоевский актуализировал противопоставление рода Гранде роду его жены, урожденной Ле Бертелье. Это имя происходит от древнегерманского *berht* (*brillant*), что значит «сверкающий», «светлый», «яркий». В романе Ле Бертелье характеризуются как люди сильные и выносливые. Старик постоянно говорит своей жене, что ее род не болеет, и более того – не умирает, в то время как «смерть Гранде не отличается от его жизни». Учитывая, что мать Евгении предстает перед нами в ангельском обличии, смиренной мученицы, стремящейся на небо, то становится понятно, почему Ле Бертелье не умирают. Истинное бессмертие достигается только через светлое сверкающее небо, никакой земной рай не может его дать. Добавив всего одно слово, Достоевский выводит на поверхность то, что заложено в тексте романа.

Тема рода

Рассмотрим подробнее тему рода, которая очевидно важна в романе, к тому же имя главной героини означает «благородная». Это, безусловно, было почувствовано как важное и актуализировано Достоевским, так как он постоянно употребляет эпитет «благородная» при описании Евгении, что было отмечено Нечаевой, но не проинтерпретировано. Переводчик методично выстраивает линию превознесения женщины, показывая, что духовность может быть передана только по женской линии. В моменте, когда Шарль еще находится в Сомюре, Гранде ведет его к нотариусу, где тот должен отказаться от *отцовского* наследства, чтобы Гранде мог якобы позаботиться о сохранении чести семьи. Достоевский же переводит это как отказ от *материнского* наследства. А о матери Шарля мы знаем, что это было чудесное существо, которое посеяло в душе сына

золотые зерна, взрасти которым так и не удалось («le grain d'or que sa mère lui avait jeté au Coeur s'était étendu dans la filière parisienne, il l'avait employé en superficie devant l'user par le frottement» [Balzac 1833]). Таким образом, Достоевский выводит на поверхность причины падения Шарля. Да и с самого начала он лишает его характеристик, которые, хоть и отдаленно, но намекают на его связь с небом. Так, в оригинале сказано, что Шарль как будто сошел с серафимских сфер: «voir en son cousin une créature descendue de quelque région séraphique» [Balzac 1833]. А если учесть, что сразу после романа «Евгения Гранде» Бальзак пишет «Серафиту» – это слово начнет играть совершенно другими красками, и женоподобность Шарля тоже приобретет другой смысл. Достоевский переводит это место так: «Евгенія, невидавшая доселѣ ничего подобнаго Шарлю въ совершенствѣ красоты и щегольства, смотрѣла на него, какъ на существо воздушное, неземное» [Репертуар и Пантеон 1844: 6, 414]. То есть любые отсылки к божественности становятся невозможны. А женоподобность сразу приобретает смешной и пошлый характер.

Истинная божественность женщины

Есть еще одна важная линия в романе, в которую Достоевский вносит изменения такого характера, что начинает появляться смысловой зазор между оригиналом и переводом. Рассмотрим эту линию подробнее и начнем с двух эпизодов, в которые и внесены изменения. Так, Достоевский называет «катастрофой» предложение о «бездетном» замужестве Евгении Президенту («Въ 9 часовъ всѣ встали изъ-за ломберныхъ столовъ, спорили, шумѣли, расплачивались, и когда вся толпа стала откланиваться, тогда-то кончилась долгая драма неожиданною катастрофою, которая зашумѣла здѣсь, въ Сомюрѣ, и кругомъ въ четырехъ префектурахъ» [Репертуар и Пантеон 1844: 7, 120]), в то время как у Бальзака это названо «неожиданной развязкой» («un coup de théâtre»), то есть не имеет никакой оценочной окраски. Почему для Достоевского это замужество является катастрофой, станет ясно, когда мы обратимся к его следующей поправке в тексте. Вот как Достоевский изображает развязку «катастрофы»: «Провидѣніе отмстило ее за низкое поведеніе Президента, слишкомъ-свято державшаго свое слово, данное бѣдной дѣвушкѣ, взявшей его въ припадкѣ отчаянія» [Репертуар и Пантеон 1844: 7, 124]. В оригинале никакого «отчаянья», в котором бы прибывала Евгения, нет, а есть «безнадежная страсть, которой под-

питывалась Евгения» («la passion sans espoir dont Eugénie se nourrissait» [Balzac 1833]). Здесь стоит отметить, что для Бальзака страсть не несла негативного оттенка: «La passion est toute l'humanité. Sans elle, la religion, l'histoire, le roman, l'art seraient inutiles» [Balzac 1855] (*Страсть – это все человечество. Без нее религия, история, роман, искусство были бы бесполезны*), – пишет он в предисловии к «Человеческой комедии». То есть, у Бальзака в тексте нет оттенка неправильности выбора Евгении. Достоевский же протягивает ниточку к словам Бальзака в послесловии о ребенке, который станет всем для женщины. Отказ от ребенка кажется переводчику катастрофой, и он оправдывает его отчаянием, в котором находилась Евгения. При очевидных попытках Достоевского полнее передать идею Бальзака мы начинаем замечать смысловой зазор между оригиналом и переводом.

Попробуем разобраться. В романе Бальзака единственный герой, который оказывается наказан Богом, – это Президент, муж Евгении. Наказан он за свои расчеты, которые состояли в том, что он воспользовался условием, выдвинутым Евгенией (невинный брак), в своих корыстных интересах. Президент составил брачный договор, по условиям которого в случае отсутствия детей после смерти одного из супругов все имущество переходит другому супругу. Он ждал смерти жены, о чем Евгения прекрасно знала, но умер первым, оставив все ей. Собственно, Президент отказывается от продолжения себя в детях ради сиюминутной наживы. Именно это оказывается для Бальзака тем, что наказывается смертью. Даже не наказывается, а логично ведет за собой смерть. Ведь это та же история земного рая: люди хотят получить все здесь, не думая о будущем, но бессмертие таким образом не зарабатывается. Даже Шарль, совершивший столько преступлений, оправдывает свое предательство Евгении тем, что сделал это ради своих будущих детей, так как «мы принадлежим нашим детям» («Nous nous devons à nos enfants» [Balzac 1833]). Евгения помогает ему пойти по этому пути. Бальзак никак не характеризует и не наказывает своего героя. Даже старик Гранде, в конечном итоге, передает эстафету управления всем своим имуществом дочери, таким образом, как бы продолжая жить в ней. В романе не раз будет сказано, что после смерти старика во фразах Евгении и манере себя держать узнавался отец.

Здесь будет логично возразить, что Евгения, как и Президент, отказывается иметь детей, но при этом остается главной положи-

тельной героиней. Чтобы разрешить это противоречие, приведем цитату из романа, которой нет в переводе, поэтому мы не можем судить об интерпретации ее Достоевским, но для понимания смысла романа она очень важна: «*Avant la venue de son cousin Eugénie pouvait être comparée à la Vierge avant la conception, quand il fut parti elle ressemblait à la Vierge mère, elle avait conçu l'amour*» [Balzac 1833] (*До приезда кузена Евгению можно было сравнить с Девой Марией до зачатия, когда он уехал, она стала похожа на Богородицу: она зачала любовь*). Таким образом, ее божественная сущность встречается с женщиной, человеком. Во французском языке «мужчина» и «человек» обозначаются одним словом, то есть здесь важен аспект встречи с другим существом (инаковость Шарля по отношению к жителям Сомюра постоянно подчеркивается в тексте, он всегда другой, к тому же Сомюр переводится как рассол, где все приобретает один цвет и вкус). Пущенный в сердце другой, встретившийся в нем с божественным духом, зачинает в Евгении любовь. Это ровно то, о чем говорит Бальзак в послесловии, о соединении в женщине ангельского и мужского / человеческого. Ей не нужно иметь реального ребенка, чтобы не быть бесплодной, она уже носит в себе любовь, которая распространится на все человечество.

Именно этот аспект можно назвать основным принципиальным отличием перевода от оригинала. Но мне бы не хотелось на данном этапе работы делать выводы об отличии мировоззрений Достоевского и Бальзака, а вот о сходстве говорить определенно можно.

Некоторые исследователи отмечали влияние Бальзака на последующее творчество Достоевского. Например, Л.П. Гроссман: «Повесть Бальзака осталась навсегда для Достоевского образцом психологии кроткой женщины. От “Маленького героя” и “Неточки Незвановой” до “Кроткой” и “Подростка”, он не переставал вдохновляться тем женским образом Человеческой Комедии, которым он в молодости бредил, как живым существом» [Гроссман 1925: 89]. Действительно, подобный Евгении образ женщины был очень близок Достоевскому, но, думаю, характеризуется он вовсе не кротостью в понимании Гроссмана. Женщина как центр соединения земного и божественного будет постоянным символом раннего творчества Достоевского.

Список литературы

Головин 1995 – Головин Е. В. Франсуа Рабле: вояж к Дионису. 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://golovinfond.ru/content/fransua-rable-voyazh-k-dionisu>

Гроссман 1925 – Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: ГАХН, 1925. 188 с.

Достоевский 1972–1990 – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Зарубежная литература 1990 – Зарубежная литература XIX века. Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов / Перевод: К.Локс. М.: Высшая школа, 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/s_komedia.txt

Кибальник 2012 – Кибальник С. А. К проблеме интертекстуальной аккультурации оригинала («Евгения Гранде» О. Де Бальзака в переводе Ф. М. Достоевского). 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://eltalpykla.vdu.lt/handle/1/27766>

Лишневская 2008 – Лишневская А. Три «Гранде» // Иностранная литература. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/4/le5.html>

Нечаева 1979 – Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821-1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

Репертуар и Пантеон 1844 – Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Межевичем и И. Песоцким. Год шестой. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. № 6. Отд. I. С. 386-457; № 7. Отд. I. С. 44-125.

Торранс 2013 – Торранс Ф. «Евгения Гранде» Бальзака в переводе Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. 2013. № 20. С. 461-473.

Шкарлат 1998 – Шкарлат С. Н. О переводе Ф. М. Достоевским романа «Евгения Гранде» О. Де Бальзака // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-perevode-f-m-dostoevskim-romana-evgeniya-grande-o-de-balzaka>

Balzac 1855 – H. de Balzac. *Avant-propos à la Comédie Humaine* // Œuvres complètes de H. de Balzac, A. Paris: Houssiaux, 1855. Т. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/Avant-Propos_de_La_Comédie_humaine

Balzac 1833 – H. de Balzac. *Scenes de la vie de province. Eugenie Grandet*. 1833. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.debalzac.com/grandet.pdf>

References

Достоевский 1972–1990 – Dostoevsky F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works in 30 vols.] Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

Головин 1995 – Golovin E. V. *Fransua Rable: voyazh k Deonisu* [François Rabelais: voyage to Dionysus]. 1995. [Electronic resource]. – Available at: <http://golovinfond.ru/content/fransua-rable-voyazh-k-dionisu> (In Russ.)

Гроссман 1925 – Grossman L. P. *Poetika Dostoevskogo* [Poetics of Dostoevsky]. Moscow, GAXN Publ., 1925. 188 p. (In Russ.)

Кибальник 2012 – Kibal'nik S. A. *K probleme intertekstual'noj akkul'turatsij originala («Evgeniya Grande» O. De Bal'zaka v perevode F. M. Dostoevskogo)* [On the Problem of Intertextual

Acculturation of the Original (*Eugénie Grande* by O. De Balzac in the Translation of F.M. Dostoevsky)]. 2012. [Electronic resource]. – Available at: <https://eltpykykla.vdu.lt/handle/1/27766> (In Russ.)

Лишневецкая 2008 – Lishnevskaya A. *Tri Grande* [Three Grandet]. Inostrannaya literatura [Foreign Literature]. 2008. № 4. [Electronic resource]. – Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/4/le5.html> (In Russ.)

Нечаева 1979 – Nechaeva V. S. *Rannij Dostoevskij. 1821-1849* [Early Dostoevsky. 1821-1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

Репертуар и Пантеон 1844 – Repertuar i Panteon. Teatral'noe obozrenie, izdavaemoe V. Mezhevichem i I. Pesotskim. God shestoy [Theatrical Review Published by V. Mezhevitch and I. Pesotsky. Year 6]. St. Petersburg, Tip. K. ZHernakova Publ., 1844. № 6. Otd. I. Pp. 386-457; № 7. Otd. I. Pp. 44-125. (In Russ.)

Торранс 2013 – Torrans F. «*Evgeniya Grande*» *Bal'zaka v perevode Dostoevskogo* [Balzac's *Eugénie Grandet* Translated by Dostoevsky]. Dostoevskij: Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]. 2013. № 20. Pp. 461-473. (In Russ.)

Шкарлат 1998 – Shkarlat S. N. О *perevode F. M. Dostoevskiy romana Evgeniya Grande O. De Bal'zaka* [On F. M. Dostoevsky's translation of the novel *Eugénie Grandet* by H. De Balzac]. Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 1998. [Electronic resource]. – Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-perevode-f-m-dostoevskim-romana-evgeniya-grande-o-de-balzaka> (In Russ.)

Balzac 1855 – H. de Balzac. *Avant-propos à la Comédie Humaine*. Œuvres complètes de H. de Balzac. Paris, A. Houssiaux, 1855. T. 1. [Electronic resource]. – Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/Avant-Propos_de_La_Comédie_humaine (In Fr.)

Balzac 1833 – H. de Balzac. *Scenes de la vie de province. Eugenie Grandet*. 1833. [Electronic resource]. – Available at: <http://www.debalzac.com/grandet.pdf> (In Fr.)

Зарубежная литература 1990 – *Zarubezhnaia literatura XIX veka. Realizm. Khrestomatia istoriko-literaturnykh materialov* [World Literature of the 19th century. Realism. An Anthology of Historical Literature Materials], trans. by K.Loks. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990. [Electronic resource]. – Available at: http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/s_komedia.txt